

Что такое
«миф»?

Когда и чем вытесняется
миф?

Как воспринимается
миф?

1. Через форму
2. Через смысл, отделяемый от формы
3. Слияние смысла и формы

Через форму

Если я вглядываюсь в означающее как в нечто пустое, то форма мифа заполняется понятием без всякой двусмысленности, и передо мною оказывается простая система, значение которой вновь обрело буквальность: салютующий негр есть пример "французской имперскости", ее символ. Такой способ зрения характерен, в частности, для производителя мифов, например для газетчика, который исходит из понятия и подыскивает для него форму.

Через смысл, отделяемый от формы

Если я вглядываюсь в означающее как в нечто полное, четко отграничивая в нем смысл от формы, а стало быть и вижу деформацию первого под действием второй, то тем самым я расчленяю значение мифа и воспринимаю его как обман: отдающий честь негр есть алиби "французской имперскости". Такой тип зрения характерен для мифолога, который дешифрует миф, понимает его как деформацию.

Через слияние смысла и формы

Если я вглядываюсь в означающее мифа как в некоторую целостную неразличимость смысла и формы, то воспринимаемое мною значение оказывается двусмысленно: во мне срабатывает заложенный в мифе механизм, его специфическая динамика, и я становлюсь читателем мифа. Негр, отдающий честь, – для меня уже не пример, не символ и тем более не алиби; «французская имперскость» непосредственно присутствует в нем.

Почему два первых способа разрушают миф?

Два первых способа рассмотрения носят статико-аналитический характер; миф в них разрушается, либо путем открытого осознания его интенции, либо путем ее разоблачения; первый взгляд – цинический, второй – демистифицирующий. Третий же способ – динамический, здесь миф усваивается согласно его собственной структурной установке: читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и нереальную.

Какая роль у
читателя?

Почему миф
деформирует?

Задача мифа – "протащить" некую понятийную интенцию, язык же лишь подводит его, либо уничтожая понятие в попытке его скрыть, либо демаскируя его в попытке высказать. Чтобы ускользнуть от такой дилеммы, миф и разрабатывает вторичную семиологическую систему; не желая ни раскрыть, ни ликвидировать понятие, он его натурализует. В этом **главный принцип мифа – превращение истории в природу.**

Почему язык предрасположен к мифу?

Язык предрасположен к мифу еще и в другом отношении – смысл в нем лишь очень редко утверждается изначально во всей своей неискаженной полноте. Это вызвано абстрактностью языковых понятий: понятие "дерева" само по себе слишком смутно, допускает слишком много привходящих черт. Разумеется, язык располагает целым аппаратом аппроприативных средств ("это дерево", "то дерево, которое?" и т.д.). Тем не менее вокруг окончательного смысла всегда потенциально клубится некая туманность, где зыбко колеблются другие возможные смыслы; то есть смысл почти всегда может быть интерпретирован.

Защищен ли от мифа язык
математики

или язык поэзии?

Вообще, можно считать, что для всей нашей традиционной Литературы характерна добровольная готовность быть мифом; в нормативном плане эта Литература представляет собой ярко выраженную мифическую систему. В ней есть смысл – смысл дискурса; есть означающее – то есть тот же самый дискурс, рассматриваемый как форма или письмо; есть и означаемое, а именно понятие литературы; и есть значение – то есть литературный дискурс.

Как противостоять
мифу?

Лучшее оружие против мифа – в свою очередь мифологизировать его, создавать искусственный миф; такой реконструированный миф как раз и оказался бы истинной мифологией. Если миф – похититель языка, то почему бы не похитить сам миф?

Как «похитить»
миф?

Сила вторичного мифа в том, что первичный миф рассматривается в нем как наблюдаемое извне наивное сознание.

Каким образом «буржуазия» превращает реальный мир в образ мира?

Буржуазной идеологией постоянно поглощена огромная масса людей, не имеющих собственного глубинного статуса и способных переживать его лишь в воображаемом, то есть ценой фиксации и обеднения своего сознания. Распространяя свои представления с помощью набора коллективных образов на потребу мелкой буржуазии, буржуазия тем самым упрочивает иллюзорную недифференцированность социальных классов: для полной эффективности ее разыменования нужно, чтобы машинистка, получающая двадцать пять тысяч франков в месяц, узнавала себя в богатой буржуазной свадьбе.

Статус буржуазии специфичен и историчен – в представлениях же ее человек универсален и вечен; свою классовую власть буржуазия утвердила благодаря научно-техническому прогрессу, в бесконечном процессе преобразования природы – в идеологии же она представляет природу первоначально нетронутой

Тождественен ли миф
идеологии?

Задачей мифа является преобразовать историческую интенцию в природу, преходящее – в вечное. Но тем же самым занимается и буржуазная идеология. Наше общество именно потому является привилегированной областью мифических значений, что миф по самой своей форме оптимально приспособлен к характерному для этой идеологии созданию перевернутых образов

Почему миф это депотилизированное
слово?

Функция мифа – удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетучивающейся реальностью, он ощущается как ее отсутствие.

Например, в случае негра-солдата удаляется, конечно же, не "французская имперскость"; удаляется исторически преходящий, рукотворный характер колониализма. Миф не отрицает вещей – напротив, его функция говорить о вещах; просто он очищает их, осмысливает их как нечто невинное, природно-вечное, делает их ясными – но не объясненными, а всего лишь констатированными. Стоит мне констатировать "французскую имперскость", не пытаюсь ее объяснить, как она оказывается для меня чем-то почти естественным, само собой разумеющимся; тем самым моя совесть успокоена...